

Анна Сургина

Не держи на него зла

Анна Лучина

Не держи на него зла (сборник)

pdf предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29833927

Анна Лучина Не держи на него зла:

ISBN 978-1-77192-387-3

Аннотация

Книга «Не держи на него зла» объединила в себе три рассказа, в которых молодые люди только начинают взрослую жизнь.

Их жизнь полна загадок и приключений. Они еще ничего не знают о взрослой жизни. Они пробуют её на запах, вкус и цвет. Испытывают её на прочность своими поступками. Дерзко, наивно, опасно. Еще не зная, что жизнь не прощает ошибок. Но падают, встают и идут дальше.

У каждого своя непростая дорога. Эта дорога называется – судьба.

И счастлив только тот, кто начинает понимать, что можно испачкать в дороге тело, одежды и обувь, но надо постараться оставить чистым сердце. Чистое сердце – это добро, имя которому – любовь. А любовь – это факел, который указывает дорогу к счастью.

Содержание

Не держи на него зла	5
Хакасская рулетка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анна Лучина

Не держи на него зла

Жанр: рассказы

* * *

*А надо ли жалеть о том, что не случилось?
В густую пустоту ронять обрывки слов?
Стеклянная луна осколками разлилась,
И кремнием искрит по тонким жилам кровь.
А надо ли винить весь мир в продажной сути?
И есть ли смысл в том, что можно не ценить?
И вытоптан репей пред каменным распутьем,
Пунктирен горизонт, как порванная нить.
А надо ли любить, других собой пытая?
Бурливый перекат вновь рыбу бьет в висок.
А надо ли любить? Цена любви такая,
Что кости превращает в расплавленный песок.
Вопросы с каждым днем всё больше горбят спину.
Растёт заплечный груз, уж виден бугорок.
А кто-то поглядит и скажет: «Это – крылья»
Но я им не поверю. Ну, не летают люди.
Икар – и тот не смог.*

Не держи на него зла

Рассказ

Ветви старой сливы были корявые и скользкие. Стоять на них было непросто. Одной рукой надо было держаться за шершавый, заляпанный седым лишайником ствол, а другой – осторожно смахивать с ресниц бусинки слез.

Солнечные лучи, как раскалённые гвозди, легко прожигали плотные темно-зелёные листья старого дерева и роем злых ос жалили глаза.

Подслеповато жмурясь, отчего губы сами растягивались в улыбку, Блаженка зачарованно разглядывала сливы сквозь тонкую золотую пелену.

Сливы были крупные, с множеством оттенков лилового цвета. Одни – нежно-сиреневые с белым, как пепел, налётом. Другие – темно-бордовые, почти чёрные, как отполированный опал. Сочные сливы мерно качались на тоненьких ножках, как новогодние шары на ёлке, поблескивая гладкими, упругими боками. И дразнили своей красотой и спелостью.

Прежде чем сорвать сливу, Блаженка чуть сдавливала её пальцами, придирчиво разглядывая со всех сторон. Самыми сладкими были сливы, нежная кожица которых слегка треснула, и из желтой трещинки вытекали янтарные мясистые пузыри...

Вдруг неземную, почти космическую тишину утра расколол сухой короткий выстрел и надрывный, резкий гортанный крик. Словно кто-то не кричал, а выдавливал колючие звуки из больного сухого горла.

Блаженка вздрогнула и застыла в ужасе, почувствовав, как предательски задрожала хрупкая ветка под её ногами. Красноватый сок раздавленной сливы, липкой змейкой потек по запястью руки.

Еще секунду назад казалось, что они одни в целом мире: Блаженка и эта старая дикая слива, растущая на дне каменистого горного ущелья. Секунду назад мир был радужным, добрым, приветливым и щедрым, но...

Крик повторился, и Блаженка невольно повернула голову в ту сторону, откуда он доносился.

По узкой, извилистой, как веревка, тропинке, потрясая охотничьим ружьём, бежал седой бородатый старик в длинной черной рубашке и светлом овчинном жилете, накинутом поверх неё. Старик был не один. За ним, припадая на одну лапу и постепенно отставая, семенило грязное лохматое чудовище – огромная кавказская овчарка.

На старике были разбитые кирзовые сапоги, смятые в гармошку, поэтому старик скорее торопливо ковылял, чем бежал, поднимая за собой облачка рыжей пыли.

Овчарка, на которой шерсть висела неряшливыми комьями вперемежку с комьями грязи, вывалив мокрый язык, неохотно плелась за хозяином.

Старик остановился. Обернулся и грозно крикнул на собаку на непонятном, резком языке. Пристыженная овчарка прибавила хода, обогнала хозяина метров на двадцать и опять начала потихоньку отставать.

Старик вертикально вскинул ружьё и снова выстрелил. Эхо выстрела мелкой дробью раскатилось по всему ущелью. Вразной закричали птицы, утробно, с всхлипами, будто кашляла, залаяла собака старика.

У Блаженки от страха потемнело в глазах...

Перед отъездом в Грузию Блаженка зашла в отделение милиции за разрешением на пребывание в приграничной зоне.

– Простите. Мне к вам? – робко спросила Блаженка, заглянув в кабинет, на который ей указал дежурный милиционер.

Хмурый странный мужчина лет сорока, в белой рубашке с коротким рукавом, сидел в маленькой, почти пустой, комнате и сосредоточенно перебирал желтыми прокуренными пальцами пухлую стопку бумаг на своём столе.

За его спиной на бежевой, как пресное тесто, стене висел плакат. Женщина в красной косынке, оглядываясь назад, испуганно прижимала указательный палец к губам. «Молчи...», – прочитала Блаженка. Дальше надпись на плакате загоразивала коротко стриженная голова незнакомца.

Не услышав ответа, Блаженка почему-то оробела, аккуратно присела на край стула, придвинутого к столу с дру-

гой стороны, и тоже принялась молчать. Она была неприятно удивлена. Она думала, что всякие там справки-бумажки выдают пожилые, неопрятные тётеньки, как в паспортном столе. А тут...

Странный человек бегло взглянул на паспорт Блаженки, отложил его в сторону и начал перебирать бумаги на другом краю стола.

Вскоре службист нашел нужный бланк, ловким движением выдернул его из пухлой, неряшливой стопки.

Затем энергично встряхнул бумагой, словно на ней лежали хлебные крошки, и поднес к острому, с изящной горбинкой, носу.

– Гражданка... – мужчина замолчал и впервые поднял на Блаженку серые, плоские, как на черно-белой фотографии, глаза.

Блаженка – молодая девушка со светлыми глазами, вздернутым носиком и легкомысленными кудряшками, падающими на лицо, от этого сверлящего взгляда буквально вжалась в стул.

– Лапочка Блажена. Что здесь фамилия?

– Ла-по-чко – фамилия, – по слогам, сделав ударение на последнем слоге, ответила Блаженка.

– Гражданка Лапочко Блажена, – сказал тихим, но очень каким-то убедительным голосом, службист и придвинул к Блаженке лист исписанной бумаги. – С вас берётся подписка о том, что вы знаете, что в туристической поездке по со-

ветской социалистической республике Грузия, вы въезжаете в двадцатикилометровую приграничную зону. И о том, что вы предупреждены об ответственности перед законом, если вдруг захотите продолжить отпуск уже в Турции.

Сказав это, мужчина небрежно откинулся на спинку стула и смерил Блаженку холодным, пронизывающим взглядом.

Блаженке стало не по себе от этого цепкого, колючего взгляда. Она обтерла ладонью вспотевшее лицо, рефлекторно кивнула и быстро расписалась на служебном бланке с синей печатью.

Когда она уходила, мужчина вдруг сказал ей в спину:

– Замуж выйдешь, фамилию не меняй.

– Угу, и родину, – охотно поддакнула на всякий случай Блаженка. – Не нужен мне берег турецкий и

– Все вы так поёте, – не дал ей договорить суровый службист. Он снова нахмурился, достал из ящика стола мятую пачку сигарет и нервно бросил её на стол...

Старый автобус, похожий на подтаявший брикет пломбира, долго и опасно петлял по узкому горному серпантину. И вдруг остановился, будто у него кончился бензин, между быстрой рекой, узкой и звонкой, как сабля, и серой отвесной скалой, с торчащими из неё сухими пучками травы.

Блаженка последней вышла из автобуса с дорожным чемоданчиком в руке и увидела перед собой решётчатые металлические ворота с высоко прибитой табличкой: «Турба-

за» «Добро пожаловать!»»

Ущелье, в котором расположилась турбаза, оказалось каменным мешком со скудной растительностью, взбиравшейся вверх по валунам, и неглубокой, говорливой рекой. На дне реки лежали пестрые гладкие камни, по которым прыгала и пела прозрачная ледяная вода, стекавшая с гор.

Турбаза состояла из двух корпусов. Старого и нового. Старый был поставлен еще при Сталине в низине у реки. Это был каркасно-щитовой дом, типа барака, обнесенный высоким штакетником. Новый, построенный совсем недавно, располагался чуть вверх по асфальтовому серпантину. Это была современная многоэтажная гостиница из стекла и бетона. Среди древнего безмолвия гор и первозданного естества окружающей местности, эта глыба, сверкающая на солнце, смотрелась, как осколок внеземной цивилизации.

В старом корпусе было несколько комнат, забитых узкими металлическими кроватями, и просторная комната отдыха: с телевизором, шашками и черными костяшками домино.

Охранял старый корпус молодой симпатичный грузин по имени Гурам. Его небольшой домик возле ворот турбазы утопал в цветах: розах, ирисах, лилиях и гладиолусах, любовно посаженных женой Гурама.

Охранник целыми днями сидел на стуле перед воротами в расстегнутой милицейской рубашке, с висящим на зажиме галстуком, и в новеньких армейских галифе, что придавало ему вдвойне устрашающий вид.

Узрев вновь прибывшего туриста, Гурам неспешно вставал со стула, делал пару ленивых шагов к калитке и, сдвинув густые черные брови, требовал бумажку о законности нахождения оно́го в приграничной зоне.

Но уже на следующий день, без лишних формальностей, доверяя исключительно своей памяти, говорил ему же: «Пра-ха – ди, да-ра-гой» и широко улыбался крупными белыми, как сахар, зубами.

С территории старой турбазы в ясную погоду можно было увидеть седые каменистые горы, совершенно лишенные растительности, отвесный склон которых, был усыпан черными точками, как булочка изюмом.

Гурам говорил, что это – древние скальные монастыри, в которых когда-то жили отшельники, проводившие все дни в усердных молитвах.

А Блаженке казалось, что это – гигантский космический арбуз упал на землю много веков назад. От сильного удара арбуз раскололся пополам. Из него высыпались все семечки, и пустые, засохшие дыры превратились в кельи монахов.

По утрам на нижнюю турбазу приходил местный гид по имени Заза. Смуглый, черноволосый юноша. У него были низкие брови, сросшиеся на переносице, темные дерзкие, колкие глаза. Ему было двадцать два. Он окончил тбилисский университет и свободно говорил по-русски. Заза был не бедный. На работу он приезжал на «Жигулях» первой модели и оставлял машину у ворот.

Почему-то Заза сразу невзлюбил Блаженку.

– Ну, где эта блаженная лампочка? – нарочито громко вопрошал он по утрам, обводя недовольным взглядом красивых темных глаз, собравшихся на завтрак туристов. – Опять ищет поролоновые чашечки?

– Гы-гы-гы, – ржала вся группа. – Лампочка. Гы-гы-гы. Поролоновые чашечки.

Блаженка слышит весь этот унижительный хохот группы, доносящийся из раскрытого окна барака, но сделать ничего не может.

Блаженка – копуша по природе. Она может начать заплетать косу, но, увидев бегущего по стене паучка, подумать, что это – к письму. Вспомнить, что уже два дня, как собиралась написать домой. Тут же начать искать ручку и бумагу. Написать пару строк, увидеть, что на блузке оторвалась пуговица. Начать искать иголку и нитки.

Когда Блаженка выходила на крыльцо дома и оглядывалась по сторонам, жмурясь от яркого солнца, группа уже толпилась плотным полукругом перед красавчиком Зазой.

Он стоял с важным лицом, зажав подмышкой большую черную тетрадь. В тетради Заза хранил талончики на обед.

Блаженка представляла, что вдруг Заза сделает магические пасы рукой, откроет тетрадь, и в ней окажутся не серые талончики в столовую, а красные душистые розы, как в палисаднике Гурама. И Заза будет раздавать их всем с легкой, чуть ироничной улыбкой на губах.

Но чуда не происходило. Раздав всем талончики, Заза легким шагом устремлялся в сторону нового корпуса, и вся группа, растянувшись в цепочку, поспешала за ним.

Обычно никуда не торопились только трое мужчин из группы. Два друга: Андрей и Володя, и пенсионер Василий. Они еще долго курили возле ворот турбазы, бросая мятые окурки себе под ноги. Блаженка оставалась рядом с ними из благодарности, потому что эти трое никогда не смеялись над нею...

Как-то после обеда Заза повел группу в те самые скальные монастыри, что были на другом берегу реки. Блаженка тоже пошла. Было жарко. Она одела короткие шорты и обычную белую майку.

Сначала все шли разрозненной толпой вдоль воды, игривой ящеркой прыгающей по камням. Потом карабкались вверх по склону горы: где – по неровным, узким ступенькам, а где – и просто по острым шатким камням.

Заза поднимался сзади Блаженки и иногда звонко шлёпал её ладонью по голой ляжке, словно подгонял упрямого ишака.

Шлепки получались постыдно сочными, многократно умноженными эхом ущелья. Блаженка краснела, злилась и думала, что если Заза еще раз ее фривольно шлёпнет, то она ответно лягнёт его пяткой.

Вечером того же дня на турбазе в холле нового корпуса устроили танцы.

Но Заза не пустил Блаженку даже на порог. И Блаженка сидела на лавочке перед новым корпусом турбазы вместе с пенсионером Василием. Он курил папиросы «Памир» и с какой-то мрачной отрешенностью смотрел на смутные очертания гор. В желтовато-сером свете фонаря лицо его было бугристо, серо, измято, как старая газета.

Из раскрытых окон доносилось: «Чита дрита, чита маргарита. А-а...»

Василий курил свои адские, крепкие, как солдатская махорка, папиросы, а Блаженка, страдая от колючего дыма, жаловалась ему на Зазу.

– Деревенщина этот Заза. Грубый мужлан, – говорила Блаженка, делая короткие паузы между словами, чтобы Василий успевал кивнуть. – Злой, заносчивый, строит из себя. Подумаешь, смазливый. И что? Ненавижу его.

Блаженка повернулась, чтобы посмотреть на молчащего Василия.

Неподвижная голова Василия, с серебристым ободком над ушами, тонула в черном бархате неба, усыпанном кунжутными семечками звезд.

– Да, – насупившись, повторила Блаженка и поскребла ногтём шершавую скамейку. – Ненавижу. Что я ему плохого сделала? Что? Цепляет меня на каждом шагу. Лампочка, лампочка. Вот теперь на танцы не пустил. Говорит, в кедах нельзя.

Подул легкий ночной ветерок, Блаженка поёжилась и зев-

нула.

– Наверно, ему профурсетка, вроде тебя, разбила сердце, и он теперь на тебе отыгрывается, – после долгой затяжки произнес Василий.

– Почему профурсетка? – обиделась Блаженка. – Я, между прочим, школу с серебряной медалью закончила. Еще учусь в институте, а меня уже в министерство среднего машиностроения зовут работать.

– Среднего, – задумчиво повторил Василий. – Понятно. Тогда иди, раз зовут.

– А я не хочу, – все еще хмурясь, сказала Блаженка. – Там в коридорах лежат красные дорожки. По ним медленно ходят пожилые седые люди, говорят тихо. Как в больнице. Тоска. Я там задыхаюсь. Я хочу, как птица, улететь куда-то далеко. Вот взять и полететь. Очень далеко. За горизонт.

Блаженка поискала глазами горизонт, но увидела только плоские силуэты гор на фоне черного, как колдовской турмалин, звездного неба.

– В детстве я часто лежала в поле, смотрела на тонкую ниточку горизонта и думала: «А что там, кто там? Почему эта тоненькая ниточка вдали такая притягательная?» Не знаю почему, но мне всегда хотелось посмотреть, как там, за горизонтом, люди живут, что делают. А что делает человек за соседним столом, мне не интересно.

– Многих такое любопытство погубило, – помолчав, сказал Василий. – Но разве это кого-то останавливало? А Заза

– молодой еще, цену словам не знает. Ты не держи на него зла...

Утром Заза, одетый в рубашку, джинсы и легкие сандалии, повел группу на развалины античного храма.

Храм находился километрах в пяти от турбазы, и путь к храму пролегал по узкой тропинке тихого безлюдного ущелья.

Одна сторона ущелья была низкая, усыпанная сухими, серыми валунами. Другая стена ущелья была высокая, накрытая густым зеленым ковром, с которого сползал вверх белый пух тумана.

Вдоль узкой тропы, что лежала на дне ущелья, как небрежно брошенная лента, росла высокая сухая трава. В ней качалась, будто канатоходец на проволоке, крупная черно-оранжевая саранча. Саранчи было много, она была везде. На траве, на камнях, на земле, и прохладный воздух ущелья непрерывно потрескивал, словно наэлектризованный.

На половине дороги путь группе преградила высокая старая слива.

У неё был могучий ствол и корявые длинные ветви с темно-зелёными гладкими листьями. На листьях, как на блюдах, лежали темно-лиловые сливы. Трава под деревом была прибита упавшими сливами. Потускневшие и уже чуть подвявшие, сливы валялись на земле штучно и небольшими кучками, словно «козий горох»

Заза скинул с плеч легкий походный рюкзак, достал зна-

комую тетрадь и объявил короткий привал.

Группа начала осторожно ходить кругами под деревом, выглядывая сливы в густой траве.

Только друзья Андрей и Володя протиснулись между согнутых спин и ловко вскарабкались на сливу.

– Здесь сливы вкуснее, – сказал Андрей, заметив укоризненный взгляд Зазы. Тот сидел на сухом валуне, листал записи в тетрадке и, с привычной усмешкой, поглядывал на группу, рассыпавшуюся по поляне.

– Ладно, – сказал Заза и как-то странно ухмыльнулся.

Блаженка с завистью посмотрела на парней. Они твердо стояли на узловатых, словно разбитых подагрой, ветвях старой сливы, и навесу кусали сиреневые, упругие шары, жмуря глаза от удовольствия.

– Блаженная, давай к нам, – сказал Володя. – Подними руки.

И протянул ей свои. Перед глазами Блаженки в настойчивом ожидании повисли короткие пальцы обеих рук, забинтованные до запястья.

Блаженка вздрогнула, побледнела, но тут же устыдилась своего брезгливого страха. И решительно протянула Володе свои слабые тонкие руки.

Тот одним махом втянул Блаженку на дикую сливу. Так пылесос втягивает носок, забытый под кроватью.

Володя потерял фаланги пальцев на обеих руках на работе, в штамповочном прессе. Потом потерял жену. Она не

смогла видеть и бинтовать каждый день его кровотокающие культяпки.

Но Володя не раскис. Пока был дома на больничном, схватил свободную турпутёвку и уехал.

Здесь в ущелье, вдали от людей, Володя подружился с Андреем. Они были одного возраста, но – два антипода. Андрей был серьезный мужчина, в очках. Высокий и худой. В группе у него сразу появилась кличка: «Профессор» Володя был простецкий мужик: полный, медлительный, балагур и заводила.

Андрей делал Володе утренние перевязки рук, предварительно сняв очки. Наверно, из-за плохого зрения, жуткие культяпки пальцев не шокировали его, как бывшую жену Володи. Да и Володя будто не замечал своих перебинтованных рук. И был неистощим на приключения и шутки.

Едва осмотревшись на турбазе, Володя сразу потащил Андрея в горный аул за чачей, чтобы разнообразить вечерний досуг группы, обнаружившей недостачу костяшек в коробке с домино, и много других житейских недостатков.

Блаженка тогда увязалась за парнями. Ей очень хотелось увидеть Турцию. Хотя бы издалека. Может, там другое небо? Или воздух? «Наверно, – думала Блаженка, поглядывая на дальние горы, – там живут райские птицы и растут райские цветы»

В горный аул парни отправились после обеда. Андрей по-свистывал и крутил круги пустой авоськой над головой. Во-

лодя молчал и смотрел по сторонам. Блаженка едва поспевала за ними. Узкий асфальтовый серпантин, извиваясь змеёй, стуча падающими камнями, резко уходил вверх. Вскоре корпус турбазы стал похож на маленький зелёный брусок. А люди возле него – на цветных сонных муравьев.

Деревьев и кустов уже не было. Кругом были только камни. Камни были большие и маленькие. «Здесь живут камни, – подумала Блаженка. – У них своя, каменная жизнь. Камни, как люди, круглые – добрые, острые – злые»

Горный аул её разочаровал. Он начинался там, где заканчивался асфальт. Дальше шла каменистая, изрытая ямами, дорога, по обе стороны от которой, лепились друг к дружке низкие хибарки из камней, соломы и глины.

В тесных дворах, в деревянных загонах, тревожно, как волны, двигались шоколадные спины лошадей. По улице мальчик-пастух гнал отару грязных овец, за ним, с непонятными криками, бежали чумазые, полуголые ребятишки. У крайнего дома стояли старые, серые от пыли «Жигули»

Володя сунул бинтованные руки в карманы брюк и решительно направился к этому дому. Андрей срочно затолкал авоську за пазуху и юркнул за ним, согнувшись пополам, в дверной проём, прикрытый плотной полосатой тканью.

Когда друзья ушли, Блаженка села на большой гранитный камень у дороги и стала усердно смотреть поверх плоских крыш хибар в сторону такой близкой Турции. Но ни одной картины, созданной пылким воображением, Блаженка

не увидела. В полупрозрачных, зыбких клубах горячего воздуха она видела, сколько мог охватить глаз, только извилистые линии гор и белые каменистые вершины, словно измазанные в сметане.

Вернулись Володя и Андрей. Щеки у них были подозрительно красные. Глаза блестели ярче, чем очки Андрея на солнце. В раздувшейся авоське, тесно прижавшись друг к дружке, полулежали четыре литровые бутылки с чачей, заткнутые желтыми газетными обрывками. На всю группу.

В горах темнеет быстро. Солнце резко падает за горы, как золотая монетка в глиняную копилку. Поэтому парни решили на обратном пути не тащиться по серпантину, а спускаться по прямой, сбегая боком по крутым склонам.

Когда до турбазы было рукой подать, она уже приветливо подмаргивала желтыми фонарями у барака, как вдруг Володя решил пошутить и сказал Андрею, бережно несшему бутылки: «А ты знаешь, что местные люди добавляют в чачу куриный помет?»

Андрей вздрогнул от неожиданного страха и брезгливости, оступился, неловко упал на бок. Тяжелая авоська слетела с его руки и покатилась вниз по камням, прощально звеня крупными осколками...

Раскатистый выстрел и негодующий крик раздались совсем близко.

Блаженку будто ошпарило изнутри, она очнулась от лип-

кого оцепенения и снова оглянулась на эти устрашающие звуки, пугающие своим нарастанием. Сквозь покачивающиеся гирлянды листьев, она увидела, что старик упрямо ковыляет по тропе, стуча грубыми сапогами по камням.

Потревоженная саранча, тучами взлетала над его головой, как китайские «шутихи» в новогоднюю ночь.

Овчарка плелась позади старика, виновато уронив острую морду почти до земли. Она страдала от жары. Ворсистые бока её шевелились быстрее лап, и даже грозные окрики хозяйина не могли уже добавить ей скорость.

Внутренний голос приказал Блаженке: «Беги!» Но, поглядев вниз, она увидела, что под старой сливой никого нет. Пока Блаженка увлеченно собирала сливы, Заза увёл группу на развалины храма.

В мозгу Блаженки запоздало ворохнулась горькая догадка, что это злой, жестокий Заза специально всё подстроил. Знал, наверно, и про старика, и про собаку. И заманил её на эту сливу, как в ловушку.

«Точно, – подумала Блаженка, неловко переступая с ветки на ветку. – Злой Заза опять посмеялся надо мной. Весь день помнит, то кричит, то шлёпает, то не пускает на танцы, а тут, якобы, забыл. Побежал скорее к храму»

Со старой сливы был хорошо виден этот храм, точнее, что от него осталось. Высокий, заросший кустарником, фундамент и несколько, некогда белых, полуразрушенных колонн с остатками капители и абаки.

Эффектный, заметный даже издали, экскурсовод Заза таким «гоголем» расхаживал по развалинам храма, энергично размахивая руками. Пестрая группа, словно рой голодных пчел, неотступно преследовала его.

Блаженка смотрела с обидой на двух сестер с Урала, молодоженов Витю и Лену, очень худого, желтолицего корейца Юру, работавшего поваром в ресторане, и даже пенсионера Василия. Никто о ней даже не вспомнил, не спохватился, куда она пропала.

Крик старика становился всё ближе и яростней.

От этих невнятных звуков у Блаженки что-то комками ledenело внутри и какая-то ленивая, липкая тоска затягивала всё тело. А руки зачем-то продолжали рвать сливу и заталкивать спелые ягоды за пазуху через широкий ворот просторного свитера.

«Всё! – сурово приказал внутренний голос Блаженке. – Беги!»

Блаженка с решительной силой слетела с дикой сливы, ободрав до крови ладони, колени и подбородок. Не чувствуя боли, она побежала, неловко придерживая, прыгающие под свитером, тяжелые ягоды. Но сливы падали и падали в пыль, жирно разбивались в черные кляксы о камни.

Уже в храме, быстро нырнув в самую гущу группы, Блаженка впервые оглянулась. Даже издали слива казалась огромной и такой же древней, как развалины храма.

Под могучим деревом сидел упрямый старик, устало опи-

раясь на ружье. Рядом лежала измученная овчарка.

Блаженка поняла, что взбешенный старик не уйдет. Он будет ждать сатисфакции. Сколько бы времени ни прошло. Из голубых глаз Блаженки сами потекли слёзы. Она поспешно вытерла слёзы липкими, грязными ладонями. Но тут же набежали другие.

И тут, сквозь слёзы, Блаженка увидела, что на неё с обычной лукавой улыбкой смотрит Заза.

– Что? Страшно? – участливо спросил он, глядя на неё поверх всех голов.

– Угу, – только и смогла просопеть Блаженка, пряча заплаканные глаза. Заза отвернулся. Он с трудом сдерживал смех, потому что по всему розовому свитеру Блаженки, медленно и пугающе, расплзлось большое кроваво-красное пятно.

Блаженка затравленно оглянулась.

Старик и собака сидели под деревом, недвижимые, как каменные изваяния.

– Не бойся, – неожиданно сказал Заза. – Я что-нибудь придумаю.

В обратный путь Заза повел группу другой дорогой, по дальней стене ущелья. Это была даже не дорога, а узкая нехоженая тропа вдоль обрыва.

Тугой, как тетива, колючий кустарник, росший по краям тропы, бил всех по рукам. Сыпались в обрыв мелкие камни из-под ног. Но группа молча карабкалась по склону, едино-

душно признав в молодом проводнике своего вожака. Блаженка двигалась в середине группы, уже не плача, лишь краем глаза привычно наблюдая за стариком с собакой.

Старик сидел неподвижно, уперев широкий приклад ружья в землю, опустив голову на грудь, как будто спал. Но, увидев, что группа уходит с развалин храма другой дорогой, он вскочил, широко расставив ноги, с хриплым негодованием закричал и выстрелил в воздух. Звук выстрела застучал, зацокал, запрыгал дробным грохотом по ущелью.

– Старик так, наверно, сливы собирает, – сказал Володя, виновато обернувшись на Блаженку.

Так много боли, гнева и обиды было в крике старика, о несправедливости мира и коварстве людей, что оставшиеся под свитером мятые сливы, словно превратились в красные угольки, и стали жечь Блаженке живот.

И тут небо резко потемнело, будто нахмурилось, сдвинув серые облака к переносице гор. Налетел холодный ветер, накатываясь на землю раз за разом, как морские волны. А потом хлынул дождь. Мощный, неистовый, дикий. Сплошные струи воды, поблескивающие, как лезвия сабель, с глухим стоном вонзались в землю. Все мгновенно промокли до нитки, но упрямо шли вперед.

Дождь закончился также быстро, как и начался. Только узкая тропинка в горах стала скользкой от воды, и всем пришлось держаться друг за друга, чтобы не упасть, не покатиться вниз по склону.

Блаженка оглянулась. За ней шли две сестры, втянув головы в плечи. Мокрая одежда прилипла к их спинам и рукам. Дальше шел кореец Юра, накрывший голову пиджаком. Закрывал вереницу пенсионер Василий. Он неуклюже ковылял, скользя тяжелыми ботинками, по мокрой траве. И с каждым шагом отставал все больше.

Блаженка сделала шаг в сторону, рискуя оступиться. Сунула руку под нижнюю резинку свитера и стала мокрыми пальцами выискивать в липком месиве чудом уцелевшие сливы.

– Девчонки, возьмите сливы. Я же для всех собирала. Лена, возьми. И для Вити бери, бери. Больше бери. Такие вкусные сливы, прямо с дерева, вы никогда в жизни не попробуете.

Блаженка торопливо совала слипшиеся горсти слив в тёплые ладони своих друзей. Корейцу Юре, кому-то еще, пенсионеру Василию. Тот подслеповато подставил две ладони. Оставшуюся бурую кашицу, она вытряхнула на землю. Всё!

Блаженка в последний раз оглянулась на старика. Он сидел под дикой сливой, сгорбившись, словно убитый горем, уронив седую голову на руки, держащие ружье. Блаженка подумала, что она ни в чем не виновата перед стариком, но почему-то ей было жаль его.

После короткого южного ливня небо очистилось, посветлело. И на нем появились сразу две радуги.

Две высокие цветные дуги упирались в оба края ущелья и были похожи на ворота, ведущие в небо. И Блаженке, чуть отставшей от всех, казалось, что вся группа торжественно и медленно входит в эти небесные ворота.

Первым шел Заза. Блаженка нашла глазами его широкую спину в клетчатой ковбойке и впервые с нежностью подумала, что если Заза снова фривольно шлёпнет её сзади ладошкой, то она не станет на него сердиться.

Хакасская рулетка

Новелла

Мы оказались за одним столом совершенно случайно.

Неловкая пикантность ситуации заключалась в том, что мы не знакомы. Или почти не знакомы.

Он мой сосед. Снизу.

На мой настойчивый звонок – он долго возился с ключом, застрявшим в замочной скважине, сопел и чертыхался, но вот в замке что-то утробно хрустнуло, и дверь приоткрылась примерно на треть.

Сосед стоял боком в узком проёме и тёр кулаками глаза. Он был в несвежей майке и полосатых трусах до колена. На голове его была мятая бандана цвета хаки, из-под которой на меня сонно таращились черные, как семечки арбуза, глаза.

На часах был полдень, но сосед выглядел так, словно звонок в дверь вытряс его из постели.

Я протянула соседу бутылку водки и коробку конфет.

Конфеты он принял, неловко вытянув обе руки, как неопытный папаша первого сына от акушерки, а на водку посмотрел безглаголиво и задумчиво.

– Проходи, накатим, раз так, – сказал он, суетливо крутясь в дверном проёме. Видимо, не решив, пропустить меня вперед или нет. – Разносолов не обещаю.

– Мне не надо. Я на минуту.

– Нет, нет, сударыня, – сосед, наконец, справился со своими сомнениями и решительным жестом пригласил меня войти. – Вы меня не так поняли. Самая лучшая закуска – это душевный разговор.

Сосед сунул коробку с конфетами в глубокое декольте растянутой майки и снова вытянул обе руки, приглашая меня войти.

Я иду за соседом по полутемному, забитому хламом, коридору.

Сосед – невысокий, но широкий в плечах, идет впереди меня пружинящей походкой. На его смуглой спине, под правой проймой майки, я вижу глубокий шрам, похожий на след от ножа.

Дверь на кухню заменяла мятая ситцевая занавеска в мелкий цветочек.

И вот я сижу за столом, на странной кухне, где время будто остановилось. Словно кухню поместили в специальные магнитные рамки, где время не текло вспять, но и не двигалось вперед. Секундная стрелка круглых настенных часов вздрагивала, изгибалась, пытаюсь шагнуть вперед, но оставалась на месте. Щёлк, щёлк, щёлк...

Сосед в легкой растерянности хозяйничает на кухне. Видно, что он отвык принимать гостей. Он одну за другой открывает дверцы полок, заглядывает внутрь, привстав на цыпочки. Достает две тарелки и ставит передо мной.

Покончив с «сервировкой» стола, сосед уселся напротив меня и нервно закурил, упираясь локтем в широкий подоконник.

Именно таким я чаще всего и вижу соседа, когда иду домой.

Он часами сидит возле окна на втором этаже, с сигаретой в руке, и встревоженно окликает каждого случайного прохожего. Мол, не слышали, какая сегодня погода? Дождь будет? А как сыграл «Спартак»?

Но, особенно, сосед любит разговаривать со старушками, что часто сидят у подъезда. Подкрадется к ним «на мягких лапах», сядет скромно с краешка скамейки. Поддакивает междометиями.

Бабульки и сами не замечают, что он уже живет в их разговоре, как полноценный собеседник. А вскоре – и единоличный. Остановиться сосед не может и продолжает говорить, когда все уже молчат, торопясь, срываясь на фальцет, услужливо неся, сумки бабулек до лифта.

Остальные жильцы дома не балуют его своим терпением. Сбегают при первой возможности. «А... а, этот, – говорят они про него, сделав многозначительную паузу, – сдвинутый» и спешно прячут глаза.

В любом обществе есть такая категория неудобных людей, рядом с которыми, испытываешь какую-то трусливую неловкость. Кажется, постоишь рядом с таким человеком лишних пять минут, а он вдруг проникнется к тебе каким-то запре-

дельным доверием и скажет, вцепившись в тебя, плутоватым и одновременно по-детски наивным взглядом: «Мне плохо. Помоги мне». Или того хуже: «Дай мне денег»

И ты заливаешься краской до пят, позорно сбегаешь, подгоняемый скулящим на поводке псом, а после испытываешь долгое стыдливое сомнение в своей порядочности и доброте.

Пока сосед курит, я смотрю на него. Невысокого роста, сухощавый, еще не старый мужчина. Дурацкая бандана цвета хаки на голове. Мне он не кажется странным, скорее, неприкаянным. Это – от одиночества. Говорят, последнее время он жил с мамой, хотя был дважды женат.

Но не сложилось. Ни с первой женой, ни со второй. Есть взрослый сын от первого брака.

Вот уже год сосед живет бобылем, пьет больше обычного в случайных, шумных кампаниях. И жильцы дома не просто стараются не попадаться ему на глаза, а шарахаются, как от чумного.

А все потому, что сосед устроился работать смотрителем при городском кладбище...

Я сижу за продолговатым обеденным столом, торцом прижатый к окну. В обе створки раскрытого окна радостно лупит дневное июльское солнце.

Стол накрыт цветастой клеенкой, края которой загнуты наружу. Из получившихся кармашков, потешно торчат сухие крошки черного хлеба. Разношерстная посуда, из которой сосед, видимо, ест уже не первый день, сдвинута к окну. Че-

го здесь только нет: кружки, чашки, стаканы, тарелка с котлетами, блюдечко с вареньем, начатая баночка аджики, фаянсовый заварочный чайничек без крышки.

Живописная композиция, занимает добрую треть стола. По посуде неуклюже гарцует, невесть откуда взявшийся, голубь, цвета старых чернил, и рывками протискивает голову в узкие щели между кружками.

– Пошел, – сосед лениво махнул левой рукой, отгоняя голубя к распахнутому окну.

Голубь неспешно удалился на подоконник и стал расхаживать по нему с обиженным видом.

Сосед ловко свинтил пробку с бутылки «Праздничной» и небрежно, будто поливал огород, разлил водку на два стакана. Молниеносно выпив, сосед хлебнул какую-то мутную жидкость из кружки, что была под рукой, и отправился в недалекий поход к маленькому однокамерному холодильнику. Открыл дверцу, наклонился, разглядывая содержимое полок.

Я вижу только спину соседа, изогнутую дугой.

– Тут у меня всё для окрошки, – сдавленным голосом сказал сосед. Слышно, как он шуршит пакетами, двигает кастрюлю. – Я конфеты в холодильник убрал. Маме отнесу.

Наконец, сосед поставил на стол голубую эмалированную миску с парой ярко-красных помидоров и подвявшим огурцом.

У миски были черные сколы по краям, как если к ней при-

липла мокрая лужа от семечек.

Прежде чем начать нечаянную трапезу, сосед торжественно поднял миску над головой и ткнул согнутым пальцем в полустертое клеймо на доньшке.

– Старинная миска. Пятидесятых годов. Из неё еще моя мама молодая ела. Вот скажи мне, продай за любые деньги, – прищуренные глаза соседа лукаво и хищно блеснули. – А я – не продам.

Затем сосед взял разделочный нож, длинный и узкий, как клык моржа, и начал кромсать помидоры, не вынимая их из миски.

– Люди меня чураются, словно я больной какой-то, – посоветовал он, подняв на меня соловые глаза. – А все потому, что на кладбище работаю. А я что? Оградки крашу, убираю засохшие цветы, листья. Меня до лопаты не допускают. Там, под лопатой, большие деньги крутятся. Люди в горе теряют голову. Им любые суммы говори. Они заплатят. А мне деньги не нужны. Старый я. Жизнь моя кончилась. Я к маме хочу. Без неё мне ничего не надо.

Сосед вздохнул, машинально плеснул себе в стакан и выпил водку одним махом. Небритый, кое-где седой подбородок на мгновенье закрыл его лицо.

Водка, наверно, еще была в гортани, а сосед уже снова налил себе, вяло поскреб ребром ладони по скатерти, сметая хлебные крошки к братьям.

– Я с метлой хожу. Я – дворник. А что ты так смотришь?

Это тоже город. В нем тоже люди. Бывшие, говоришь? А зачем тогда живые к ним приходят? Сидят часами, разговаривают.

Сосед нервно стучит по миске ножом, кромсая огурец, словно метроном, отсекает секунды разговора.

– Я, когда хожу вдоль оградок, смотрю, кто сколько пожил. И вот забава какая. Много молодых ребят лежит. Восемнадцатилетних.

– Может, в армии погибли?

– Не...е, – уверенно возразил сосед. – Когда, если в армии, то фотография на памятнике обязательно будет в армейской форме.

Сосед опять поднял граненый стакан на уровень глаз. Кленка на его столе липкая, весёлая, всякий раз звонко причмокивает.

– Я про пацанов говорю, которые чаще всего по глупости. Это ж надо так о матери не думать. У женщины ведь инстинкт, против природы не попрешь. Ей обязательно надо родить, а потом выкормить свое дитя. И вот уже все. Кровиношка выросла. Живи и радуйся. А он? Раз, и из любопытства в беду влез. Или из-за денег.

– Скорей всего.

– Дураки. А как матери потом жить? И зачем? Они же по самому больному, по инстинкту ударили. И вот что я там понял. Люди бывают рискованные, но не фартовые. А бывают фартовые, но не рискованные.

– А вы какой?

Сосед надолго задумался. Черные глаза его резко сузились до черточек.

– Так, какой вы? Рисковый или фартовый? – напомнила я.

– Я? – сосед словно очнулся, с недоумением повертел в кулаке пустой стакан. На его острых гранях блеснули и погасли золотистые искорки. – Я, сударыня, и рискованный, и фартовый.

Сосед вдруг распрямил спину и оживился, словно этим вопросом я, как китаец иглой, прошила акупунктурную точку на его хилом теле.

– Давай накатим по чуть-чуть. Я тебе расскажу, как я после института в Хакасию ездил. Шабашить. А ты – сама реши, какой я.

На этот раз сосед выпил короткими, боязливыми глотками, словно на бегу глотал горячий чай. Затем ножом достал из баночки кавказскую аджику. Аджика на кончике ножа была похожа на старую запекшуюся кровь. Сосед ласково облизал нож и стал неспешно рассказывать.

– Давно это было. Я тогда только институт закончил, и мне нужны были деньги.

– Девушку завели?

– Нет, просто нужны были деньги на кармане. Молодым всегда нужны деньги, чтобы человеком себя чувствовать. А мы со второго курса ездили на заработки. Так было заведено. Комитет комсомола института организовывал, находил

подряды. Хорошо все получали, если уезжали работать в Сибирь.

Но так случилось, что однажды, мне ведомость зарплатную дают, а раскрыть на моей фамилии не успели. Я смотрю, а первым по списку какой-то Андерсен идет. А я то – всех в отряде знаю. Нет никакого Андерсена в нашем отряде. И выписали бы ему рублей, этак сто, как всем, я бы может и промолчал, а тут: аж – двести пятьдесят.

Я говорю: «Что это у нас тут за сказочник такой появился? И почему я его ни разу на стройке не видел?» Короче, весь отряд взбудоражил. Убрали Андерсена. Но и меня перестали в стройотряд записывать. Метку черную в комитете поставили. Маркова не брать.

Голос у соседа, когда он волнуется, становится высокий, тонкий, как у молодого хориста на клиросе.

– Я не один такой был, правдоруб, – продолжил сосед. – Нас было несколько человек с разных факультетов, и мы сами договаривались, ехали на свой страх и риск. И вот получаю я диплом в феврале. Надо выходить на работу, туда, где диплом писал. На сто двадцать рублей. Инженером. А мне деньги нужны. Молодой. Ночные тусовки, выпивка. Всё это и тогда было, только не в клубах, а на квартирах. И тут такая забава. Приглашают работать в Казахстан, ставить опоры ЛЭП. Но там надо ждать, когда сойдет снег. Значит, где-то до мая. Или ехать в Хакасию на стройку чего-то там. Не помню уже. Сговорились: я с Володькой, два Игоря, и еще два пар-

ня с других факультетов. И вот захожу я накануне отъезда к одному Игорю домой, а его жена говорит, что он уже уехал.

– Как это?

– Вот так. Кинули мужики нас с Володькой. Я срочно заказываю билеты на самолет в Абакан. Звоню Володьке. Срочно приезжай. А он в Чехове жил. Приехал без вещей. Я матери сказал, что уезжаю, она быстро собрала два рюкзака. Мы час поспали и уехали в аэропорт.

Из Абакана мы потом еще часов пять на поезде добирались до города. Копьево, вроде так. Забывать стал. А там, рядом со станцией, двухэтажная гостиница была. Нам дали номер с двумя комнатами.

– Типа люкс?

– Наверно. Почему-то там было две комнаты. Комнатки крошечные. По-хорошему, стенку ту надо было бы снести. Но не о том речь.

В общем, мы устроились и на следующий день пошли встречать этих четырех предателей. Они, как меня увидели, ни капли не смутились, сказали: «Мы так и знали, что ты уже будешь здесь»

В гостинице мест уже не было. Я им говорю, вы с деньгами сами там решайте. У нас две комнаты, в одной бросим на пол четыре матраса. И живите. Так и сделали.

На следующий день новые проблемы. Игори пришли по-нурые и сказали, что здесь работы нет, и надо возвращаться домой.

А у меня там знакомый хакас был. Я к нему. Так, мол, и так. Позвали, а работы нет. Тот говорит, ладно, работу найду. Нужна бригада из пяти человек. А тут: тех четверо и нас двое. Володьку я же затащил. Ладно, говорю, работайте, а я что-нибудь придумаю. И опять я к тому же хакасу пошел. Он ко мне хорошо относился. Могу, сказал хакас, тебя устроить на прииск. Есть там у меня свой человек. Прибалт. Скажешь, что от меня.

И вот забава какая выходит. Надо мне снова ехать. На автобусе, до прииска. Я встал рано. Ушел, все еще спали. На улице серая дымка, как туман. Автобус старый, холодный. Водитель и кондукторша в фуфайках сидят, как два куска антрацита. Людей в автобусе было немного. Человек семь. Все спали. Я тоже задремал. А потом, глаза открываю и не понимаю: сплю я или нет. За окном сплошная серая масса, но не туман. Оказывается, автобус ехал по туннелю, пробитому в снегу. Подъезжаем к прииску, и там все в снегу. Из снега торчат черные трубы, а из труб идет дым. Вдруг у сугроба отваливается крышка. Оттуда вылезает человек. Аккуратно закрывает крышку и уходит. Никто там снег не чистит. Весной он сам сходит.

– Пряма, как тетерева, живут в снегу.

Сосед, покрасневшийся и какой-то помолодевший, быстро выпил, уже не обращая внимания на мой стакан. Подцепил на нож кусок помидора, что был в миске, и продолжил:

– Поселился я в общежитии, в котором жили рабочие с

прииска. В моей комнате жили еще трое. Всем чуть больше тридцати. Они представились так: «Шесть, восемь, десять»

– Сколько лет они на прииске?

– Нет. Сколько лет сидел каждый.

– Не страшно было?

– Нет. Там других людей не было. Там только два слоя людей было. Бывшие старые зеки, их жены и дети, и молодые бывшие зеки. Там же зона была рядом. «Откинувшиеся» выходили за ворота колонии и прямой дорогой шли на прииск.

– А хакасы?

– Хакасы, конечно, были. Но не так много.

– И вы вместе копали золото?

– Нет. Прибалт оказался начальником ОКСа. Это – отдел коммунального строительства при прииске. Я когда его увидел, сразу понял, что это – тот самый Прибалт. Он был высокий, грузный мужик, рыжий, как осенняя трава, и с низкими бакенбардами.

Прибалт определил меня в строительную бригаду плотником четвертого разряда. Сама бригада должна была приехать через несколько дней. Денег у меня к тому времени почти не осталось, и я переехал жить в комнату к старушке-хакаске. Старуха была вдова лет семидесяти. А может, ей меньше было. Просто, она всегда носила кацавейку, черную юбку до колен и грубые кирзовые сапоги, с вывернутыми наружу голенищами. Я помогал ей по хозяйству. Воду носил, дрова рубил. Радио починил. Ты, наверно, и не видела такое. Дер-

вянный ящик, похожий на буханку хлеба. И круг в середине с прорезями, чтобы звук выходил.

Пока работы не было, а деньги еще были, я с местной девушкой познакомился. Симпатичная была. Стройная. Кожа на круглых скулах – цвета карамели. Пришел вечером на танцы. А она говорит, уходи. Я не понял. Но тут несколько мужиков стали бить одного заезжего. Зло били, ногами, словно не человек был, а мешок со змеями. Я скорей домой побежал. А старушка-хозяйка говорит, здесь места такие, разбойные. Много пришлых людей пропадает бесследно. Ушел из дома человек и не вернулся. И никто его не ищет. Говорят, что духи гор забрали к себе.

Старушка дала мне огромный тесак. Он у неё в сарае в щель был воткнут по рукоять. Я повесил его себе на пояс и всегда ходил с ним. Даже к Прибалту приходил с тесаком. Прятал под поллой куртки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.